

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-495-504

Научная статья

«Нерусское в русском»: заметки о транслингвальной литературе и поэзии И. Хугаева

Ш.А. Кулиева, В.П. Синячкин

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

Рассматривается актуальная для современной филологии проблема русскоязычной литературы, которая является органической частью литературы транслингвальной. Произведения, созданные на русском языке этнически нерусскими авторами, характеризуются наличием в них этнического субстрата — «внутренней формы культуры», актуализируемой как на уровне отдельных лексических элементов, так и на уровне микро- и макросюжетов, скриптов-импликатур, мифологем и культурем. Материалом исследования послужили отдельные стихотворения известного северо-осетинского поэта И.С. Хугаева. Выборка произведений осуществлялась с учетом наличия в них «непрозрачных» этнокультурных элементов, сообщающих русскоязычному читателю важные сведения о транслируемой в поэтическом тексте исходной культуре, а также реконструкции в них фрагментов национальной «модели мира», воссоздаваемой в стихотворениях.

Ключевые слова: транслингвальная литература, русскоязычная литература, осетинская русскоязычная поэзия, И. Хугаев, национальные образы мира

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.06.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кулиева Ш.А., Синячкин В.П. «Нерусское в русском»: заметки о транслингвальной литературе и поэзии И. Хугаева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 495—504. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-495-504

© Кулиева Ш.А., Синячкин В.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

“Non-Russian in Russian”: Notes on Translingual Literature and Poetry by I. Khugaev

Sh.A. Kulieva, V.P. Sinyachkin

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

This article is devoted to the comprehension of Russian-language literature problem, which is an organic part of translingual literature, relevant for modern philology. Works created in Russian by ethnically non-Russian authors are characterized by their ethnic substrate — an “internal form of culture”, which is actualized both at the level of individual lexical elements and at the level of micro- and macro-plots, script implications, mythologemes and culture codes. The study was based on selected poems by the outstanding North Ossetian poet I.S. Khugaev. The selection of works was carried out taking into account the presence of “opaque” ethno-cultural elements that represent important information about the original culture transmitted in the poetic text, as well as the reconstruction of fragments of the national “model of the world” in them, recreated in poems.

Key words: translingual literature, Russian-language literature, Ossetian Russian-language poetry, I. Khugaev, national images of the world

Article history:

Received: 06.06.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kulieva, Sh.A., and V.P. Sinyachkin. 2020. ““Non-Russian in Russian”: Notes on Translingual Literature and Poetry by I. Khugaev”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 495—504. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-495-504

Введение

Мы живем в эпоху перемен. Приметы времени постнеклассической рациональности противоречивы: формирование виртуального социума, «клиповое» сознание, глокализация как процессы унификации и интеграции происходят одновременно с процессами этнокультурной, политической, языковой дифференциации. Антиномическое действие этих тенденций сигнализирует об усложнении всего глобального сообщества: дифференциация есть движение от других в сторону собственной уникальности, интеграция — надличностное единство людей и концепций, а их взаимодействие порождает сложность, свидетельствующую о качественном росте индивидуума / коллектива (М. Чиксентмихайи).

Такое общество зачастую стремится преодолеть замкнутость языков, культур и ценностных установок; его можно определить как транскультурное. В его контексте возникают условия для развития транслингвизма — «пограничного» языкового статуса би- или полилингвальной личности в смешанном дискурсе.

По мнению автора «Транслингвального воображения» С. Келлмана, транслингвизм — явление такое же древнее, как сам мифический Вавилон. “War, disease, famine, tyranny, terrorism, natural disaster, and economic hardship have contributed to an unprecedented movement of human beings in recent decades. Migrants now constitute 3,4 percent of the world’s population. Many of them adopt the language of their new host nation. Not all migrants are writers and not all translinguals are migrants. But unprecedented mobility is surely a factor in burgeoning of translingual literature. Also are canons, when the chances of writing a bestseller are much greater in English and Chinese, each of which has more than one billion speakers, than Maltese, which has barely half a million speakers. Latin, Sanskrit, Persian, Arabic, Spanish, Russian, Chinese, and English have been the languages of powerful empires, whose subjects were encouraged to adopt the dominant language, even if it was not their maternal tongue. The canon of Latin literature, for example, was a non-small measure of the creation of men who adopted the language of Rome, even though there were like “Seneca” Quintilian, Martial, and Lukan from Spain. Let’s just say that when translingual writing is currently flourishing it possesses an ancient pedigree” [1. P. 10].

Специфично и то, что постсоветские транслингвальные авторы, «номады семиотических пространств», не являются в строгом смысле «культурно мобильными писателями», преодолевающими реальные географические границы мира в потоках миграции, космополитического номадизма или эскапизма. Это, по словам У.М. Бахтикиреевой и О.А. Валиковой [2], люди внешне «оседлые» и в то же время раскрепощенные интеллектуально. В непрерывном акте художественной космогонии они задействуют средства нескольких культур, создавая усложненные, потенциально не завершимые креативные дискурсы и при этом не стремясь «расшатать изнутри господствующий язык». Выбор языка для этих писателей не сводится к выбору идентичности. В процессе творчества рождается тот непереволимый этнический остаток, та «зона непрозрачности», которые и делают транслингвальный текст по-своему уникальным [3].

Обсуждение

Попробуем проиллюстрировать наши наблюдения на примере отдельных стихотворений сборника «Вериги воли: книга стихов и стихий» [4] северо-осетинского поэта Ирлана Сергеевича Хугаева. И. Хугаев — авторитетный филолог, исследователь русскоязычной осетинской литературы; преподаватель вузов Владикавказа и Москвы, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН и РСО-А; прозаик (сборник рассказов «Созерцание Абакума») и поэт, чьи стихи публикуются в литературных журналах Москвы, Красноярска, Ставрополя, Пятигорска, Владикавказа, Сан-Франциско; сценарист и актер. Осетин Хугаев пишет на русском языке; его поэзия — это диалог с мировой культурной

традицией. Она открыта, интертекстуальна, пластична на уровне читательской рецепции: каждое стихотворение может быть амплифицировано множеством дополнительных смыслов в зависимости от культурного «бэкграунда» воспринимающего сознания адресата. Это, по формулировке У.М. Бахтикиреевой, «межкультурная коммуникация в художественном измерении». В стихотворении «Полиглот» Хугаев подчеркивает, что «не человек владеет языком — язык владеет человеком», и объясняет свое русскоязычие так:

Будь сотни языков я господин —
моей душой сполна
владеет лишь один.

Хугаев — автор в высшей степени интеллектуальный. Его поэзия многослойна; на уровне метатекста это палимпсест, многоуровневое семиотическое пространство, пронизанное различными культурными кодами: этнокультурными элементами, философемами различных систем и направлений (от мировоззренческих концепций античности до библейских сюжетов, от философии нового времени до «философии жизни», от принципов даосизма до постмодернистских теорий). Стихотворения Хугаева очень разноплановы: это и философские размышления о сущности бытия, и лирические миниатюры, и остросоциальные «наброски». Автор мастерски владеет словом, обыгрывает его внутреннюю форму («Блажь и благо»), играет на внутренних созвучиях («Утрата утра», «Нега снега») и привносит в семантически сближенные элементы заголовочных комплексов антиномические смыслы, превращая синонимы в противоположенные по значению образы дихотомии: «Часы и время», «Путь и направление», «Век и вечность». Стихи Хугаева — это «стихии»: именно так озаглавлен каждый из поэтических разделов сборника «Вериги воли» [4], состоящего из семи «стихий», каждая из которых имеет собственный подзаголовок: «Утрата утра», «Междущарствие», «Крупная игра», «Дети плача», «Бессонница», «Доктор Боль», «Творцы дворцов». Думается, сакральное числовое деление сборника на стихии неслучайно: оно соответствует семи дням ветхозаветного сотворения мира, актуализируя роль творящего субъекта поэтического универсума: Демиург. Герменевтический потенциал каждого из разделов сборника неисчерпаем; в рамках данной статьи мы остановимся на отдельных стихотворениях, в которых зримо выражена «внутренняя форма культуры», в которых, по формулировке Г.Д. Гачева, присутствуют «национальные образы мира».

Рассмотрим стихотворение «Горец»:

I

Построил горец башню,
Построил горец склеп,
Потом пошел на пашню,
Чтоб был у горца хлеб.
Потом сестру Алдара
Сосватал: рьян и рад,
Отару из Кизляра
Пригнал ему в ирад.

II

Когда отцы суровы,
Сыны не огорчат:
Родил горянку-дочку
И семерых горчат.
Те краше стали скоро
Казбека с Джимарой —
И за родные горы
Стояли все горой.

III

Как обросли усами,
Женились молодцы,
И скоро стали сами
Счастливые отцы.
Старик, обыкновенно
Хоть дома, не скучал:
Сажая на колени,
Внучат своих качал.
И сказывал нередко
Про Нартов-удальцов,
О жизни славной предков,
Праотцев и отцов.

IV

И гор святые духи
Благословили дом —
Чтоб не узнал разрухи
Ни завтра, ни потом.
Благословил и славил
Богов, наполнив рог,
Старик, суровых правил,
Пока не занемог.

V

Когда скончался горец,
Ему отдали честь:
Премного было горя,
А горцев — так не счеть.
И молча облачили
В богатый серый креп,
И в склепе положили —
И положили хлеб.

Перед нами — поэтическая летопись человеческой жизни. Каждый ее элемент обретает в стихотворении значение символа, и символы эти связаны с первовеществом космоса горца — камнем. В книге «Национальные образы мира. Евра-

зия — космос кочевника, земледельца и горца» Г.Д. Гачев отмечает, что архетипическая модель мира для горца выражена через образ Мировой горы, неизменной, «пребывающей вечно», когда все, совершаемое людьми (подвиги и грехи, добро и зло) не рассеивается в круговороте жизни (в противовес космосу, например, кочевника), но остается в веках. Отсюда — «космос совести, космос памяти» [5. С. 305]. В горах разворачивается «мифологема мировой истории», и человек — «единственно трепетное, живое существо» — становится главным носителем чувствительности и изменений. Энтелехия горца, по Гачеву, не расширение, но «экзистенциальное углубление», когда нет цели, но есть Целое, которое следует познать и сохранить. В архетипе горца явлен полиперсонализм, многоличностность, выраженная не в категории «мы», но во взаимозависимости, взаимообусловленности душ в едином действии, в устремленности друг к другу. Нет «субъективной личности», но есть «личность родовая». Уже в первых двух строках первой строфы — символы жизни и смерти: башня и склеп; оба сооружения — *каменные*: первое — башня — воплощение идеи незыблемости уклада, защиты, традиции; второе — склеп, или, как он именуется в Северной Осетии, «родовая башня» — последнее родовое пристанище, сохранность (вне прямой связи с землей). И башня, и склеп суть репрезентации модели горы: сужающиеся кверху, устремленные вершиной ввысь, это вещественные микрокосмы жизни и смерти. Симптоматично, что создание места для жизни и смерти — показатель социальной зрелости личности: только соорудив собственное пространство для бытия-ствования, горец может обрести новый статус: жениться. Герой поэтической летописи — горец — сватает сестру Алдара — князя, землевладельца, представителя большого сильного клана, и платит за нее выкуп — *ирад*. Во второй строфе — изложение принципов воспитания (суровость отцов), родовая преемственность традиций. Дети сравниваются с вершинами Казбека и Джимара-хох — живописными и самыми высокими горами Осетии. Это сравнение — эталонно; в нем эксплицирована идея высшей красоты как категории Абсолюта. Готовность «стоять горой» за родные горы — этническое предписание, скрипт: таково предназначение и долг истинного горца (вновь актуализируемая идея сохранения своего национального космоса). Преемственность — ключевой внутренний сюжет последующих строф: сыновья становятся отцами, горец передает знания о славной жизни предков следующим поколениям (нарти — герои осетинского национального эпоса). Горец живет по *совести* (один из базисных концептов осетинской языковой картины мира): он благодарит богов и славит предков. Интересна интертекстуальная перекличка последних двух строк четвертой строфы с пушкинским «Евгением Онегиным»: «Старик, суровых правил, / Пока не занемог» — если роман в стихах Пушкина — «энциклопедия русской жизни», то стихотворение Хугаева — летопись жизни «горской». Горец, оплаканный бесчисленными собратями, положен в склеп в богатом облачении: таково требование осетинского погребального обряда. Умерший должен предстать перед предками в праздничном наряде, чтобы ему не пришлось устыдиться на том свете. Голод покойного должен быть обязательно утолен: вот почему живые кладут вместе с умершим хлеб, символ его каждодневного созидательного труда [6].

Стихотворение «Горец» — это во многих смыслах стихотворение о культуре: культуре долга и чести, культуре истинных человеческих ценностей и отношений между людьми. В одном из интервью И. Хугаев сказал: «Культуру создает человек, стоящий прямо на земле, а не на асфальте. Еще Шпенглер показал, что цивилизация — конец культуры. Но чему мы точно можем противостоять, так это алчности в себе и в других. Я недавно где-то написал: “Не для того же мы собираемся в города, чтобы пить друг другу кровь”. Традиционная национальная культура всегда аристократична, всегда антибуржуазна. Ни в одной традиционной культуре нет культа денег. А у нас уже есть. И он выдавливает тихой сапой все остальные культы, освященные веками. В недавнем интервью Оксана Елоева спрашивала меня о культуре, и мне не удалось внятно ответить... Культура — это то, что мы культивируем. Валерий Гергиев как-то сказал, что культура — это то, как мы хороним. Это прекрасно, но я бы расширил: культура — это то, как мы относимся не только к мертвым, но и к живым: как мы относимся друг к другу, какими мерками друг друга меряем» (<https://sputnik-ossetia.ru/analytics/20171107/5207884.html>).

О национальном характере, истории края и вековых традициях повествует стихотворение «Город-крепость. Новейший петроглиф». Это — гимн осетину и его городу, космосу совести, чтимому закону высшей правды, нерушимости ее заветов. Имя города в стихотворении не названо, но комплекс поэтических его характеристик позволяет безошибочно определить сердце Северной Осетии: пасмурный и блестящий город-воин, город чародей, родившийся на перекрестке «золотых и шелковых путей», родной брат Цхинвалу, на гербе которого изображены «лед Казбека и врата заветные с ключом» — это Владикавказ. Каков город — таков и народ:

он друзьям приют дает от века
а врагу не сдастся нипочем

он не любит шум
он смирен в споре
он на ветер не бросает слов
он не только сдержан
если горе
даже в праздник он почти суров

потому твои вручат заботам
духи гор
предвечное жильё
правды быть незыблемым оплотом
нерушимой крепостью ее.

Поразительное стихотворение-завет о том, что следует помнить родную землю — в пространстве и времени — «Имярек». «Имярек» — экzemплификант в церковной литературе, слово, которое надлежит ставить в месте, где должно быть указано имя лица, за которого возносится молитва, или замещающее имя лица, пишущего документ по образцу. Хугаев обыгрывает это слово: «— Что такое имярек? / — Имя всех на свете рек». Стихотворение построено как диалог между от-

цом и сыном; отец объясняет сыну, что если мальчик «имя рек» — он «не мальчик, человек», «он уже большой и сильный, как одна из этих рек» — и ему нужно «вплоть до моря помнить горы, родники и облака». Как видим, категория предметности знаний, предписаний и сакральных смыслов у Хугаева рекуррентна.

Особое внимание Хугаев уделяет судьбе осетинского языка. В трехстишии «Ирон Авзаг» поэт пишет:

Все реже смеется, все чаще плачет
Слезами своих последних поэтов,
Но больше молчит, как старая башня.

Это стихотворение — горькая констатация утраты осетинским языком полного спектра его функциональных полномочий: в настоящее время владеющих им насчитывается не более 540 тысяч, и его коммуникативно-эстетическая сфера довольно ограничена: поэт сокрушается о том, что ирон авзаг перестает быть языком высокой литературы, «уходит в молчание» — неслучайно сравнение его со старой башней (образ камня: безмолвие). Неслучайно олицетворение «смеется»: смех есть акт жизни; в архаическом мировоззрении многих народов он символизирует процесс творения, «колебания» вещества, космогонии. Смех — это дыхание, выдох; выдох же имплицитно связан со словом, которое тоже рождается на выдохе. Об этом Хугаев пишет в стихотворении «Дыхание»:

песнопенье есть дыханье
и творение стиха
тоже воздух
воздыханье
ни хи-хи
и ни ха-ха

вдохновенье
это вдох
слово
это выдох
вздых
либо
ах
либо ох
кто не дышит
то издох.

Нынешнее состояние осетинского языка — плач и молчание (умирание).

Но живет и развивается осетинская литература — живет, в частности, в Логосе русского языка, транслируя во внешнее пространство самобытный мир осетинской культуры. Как пишет сам И. Хугаев, «ныне покойные Руслан Тотров, Георгий Тедеев, Сергей Кабалоти и другие, ныне здравствующие Ирина Гурджибекова, Ада Томаева, Алан Черчесов, Зинаида Битарова, Руслан Бекуров, Тамерлан Тадтаев, Денис Бугулов, Чермен Дудаев, Азамат Габуев, Милена Тедеева и другие — вот современная осетинская русскоязычная литература. Хотя, строго

говоря, это только гипотеза; надо изучать. Надо понять, из осетинской ли почвы растут их деревья. Но если в саду того или иного писателя растет хоть один национальный цветок, то и весь сад наш, осетинский. Один цветок меняет весь ландшафт. Потому что не может осетинский цветок оказаться в саду писателя, осетина по национальности, совершенно случайно. Впрочем, дело ведь не в научных вопросах. Просто надо читать» (<https://sputnik-ossetia.ru/analytics/20171107/5207884.html>). Творчество И. Хугаева вносит неопределимый вклад в развитие русскоязычной осетинской литературы. Осмысление этого творчества — гносеологически сложная задача, которую современному литературоведению еще предстоит решить. Мы же попытались показать, как проявляется в русскоязычном тексте «этнический субстрат» (И. Хугаев) и как соприкосновение с такого уровня Поэзией способно усовершенствовать оптику нашего восприятия мира — мира многомерного, сложного и полилингвильного по своей природе.

Заключение

Поэзия Ирлана Хугаева полилингвильна. Избрав русский язык формой выражения своих поэтических интуиций, Хугаев создает лирику в высшей степени философскую: в ней синергетически взаимодействуют стихия мифа, сакральность религиозного текста, звучащий голос родной культуры. Пронизанность его текстов культурными кодами, апеллирующими к шедеврам мировой культуры, создают пространство интенсивного диалога с гениями прошлого и настоящего — и, что особенно важно, с Читателем, к которому поэзия Хугаева предъявляет высокие требования. «Национальные образы мира», «мерцающие» (по формулировке М. Глостановой) сквозь русскоязычный текст, не только обеспечивают вещественно-зримое восприятие осетинской языковой картины мира, но сообщают этой «картине» многомерность, «посюсторонность» (А. Лосев). Поэзия Хугаева — не фикция, не миф, не аффект; это, как говорил А. Лосев о категории мифа, — «чудо», которое поэт и читатель переживают совместно — в акте со-творчества.

Список литературы

1. *Kellman S.G.* “Translingual Writers: Introductory Notes”. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2019. 16 (1). Pp. 9—12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12
2. *Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A.* “Among the Worlds”: Post-Soviet Translingual Literature” in 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM. Conference Proceedings. Sofia, 2017. Pp. 391—398.
3. *Глостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М. : URSS, 2004.
4. *Хугаев И.С.* Вериги воли: книга стихов и стихий. Владикавказ : Ир, 2013.
5. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИ-ДИК, 1999.
6. *Цахилов О.Л.* Погребальный ритуал осетин в прошлом и настоящем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogrebalnyy-ritual-osetin-v-proshlom-i-nastoyaschem> (дата обращения: 14.05.2020).

References

1. Kellman, S.G. 2019. "Translingual Writers: Introductory Notes". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 9—12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12. Print.
2. Bakhtikireeva, U.M., and Valikova O.A. 2017. "Among the Worlds": Post-Soviet Translingual Literature" in 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM. Conference Proceedings. Sofia, 2017. Pp. 391—398. Print.
3. Tlostanova, M.V. 2004. *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda*. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turacii. Moscow: URSS. Print. (In Russ.)
4. Hugaev, I.S. 2013. *Verigi voli: kniga stihov i stihij*. Vladikavkaz: Ir. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 1999. *Nacional'nye obrazy mira. Evraziya — kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca*. Moscow: Institut DI-DIK. Print. (In Russ.)
6. Cahilov, O.L. 2007. "Pogrebal'nyj ritual osetin v proshlom i nastoyashchem". *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* 43(1). Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogrebalnyy-ritual-osetin-v-proshlom-i-nastoyaschem> (Access: 14.05.2020).

Сведения об авторах:

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: word@list.ru

Bio Notes:

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: shekkul@mail.ru

Vladimir P. Sinyachkin is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: word@list.ru